

ВИТАЛИЙ СЛИНЬКОВ

Я ВЫНОСИЛ ТРОЙНЫЕ ПЕРЕГРУЗКИ

НОВЫЙ ГОД

Лечу в распахнутый рассвет
Набраться свежих сил,
Мне с малых лет запрета нет —
Здесь всё исколесил.

Дышу! И радостно в груди,
И холодно во рту.
Снег осчастливил лик земли,
Посеяв доброту.

Он закружил, он отбелил
Все стороны души.
Страницу белую открыл
Хрустящую — пиши!

В МОРЕ

Крадётся ночь, мрачнеет небо снова,
Темнеет бездна океана за кормой.

СЛИНЬКОВ Виталий Иванович — коренной дальневосточник, по профессии моряк, ныне занимается сельским хозяйством. Автор книги стихотворений “В тревоге деревенская душа”. Живёт в посёлке Шкотово

И шум воды, и гул винта стального
Пытаются отнять у нас покой.

В иллюминатор бьёт волна шальная,
Стараясь с грохотом пройти через стекло.
За ней готовится к прыжку очередная,
Но так же, промахнувшись, стонет зло.

Завыли мачты, разбросав антенны-нити,
Скрип переборок не перестает...
И наше судно в этой смертной прыти
На борт ложится, вновь и вновь встаёт.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

Я, с детства труд узнав не понаслышке,
Стал кочегаром в юные года.
Один стармех мне, помню, “выел кишки”,
И я его запомнил навсегда.

Мы шли тогда последним караваном
(В Приморье, дома, лилия цвела).
И покрывались северным туманом
Обычные полярные дела.

И хоть мы все сработали красиво,
Бывает ветер в Арктике жесток.
Торосами Айонского массива
Отрезан путь нам во Владивосток.

Спит Заполярье в проледи тумана.
Гружёные суда, торосы, мы...
Я не забуду мыс Большой Баранов
И перемычку в устье Колымы.

Латали судно, падали, хромали.
И водолазам в Арктике не мёд.
На левой снова лопасть обломали,
На правой вовсе винт ушёл под лёд.

Ну вот и влипли вместе с пароходом.
И далеко, конечно, от земли.
За вахту самым “самым полным” ходом
И метров сто пробиться не смогли.

“Вирал” я шлак, искусно “дёрнув” топки.
И “продувал” я грязные котлы.
Мы были, как вороны после трёпки,
А нам внушали, будто мы орлы.

Сегодня так никто не станет гнуться —
Моряк теперь расчётлив, да не смел.
Я мог зачехнуть, сажей задохнуться,
Но умереть я права не имел.

Скажу сейчас я, жизнь свою итожа,
Уверен был не только капитан:
Мы для России сделаем, что сможем,
Мы приведём последний караван!

* * *

Убогий быт довёл уже до рвоты.
Здесь сто “ого!” и тысячи “хи-хи”.
Меня съедают вечные заботы,
Не оставляя время на стихи.

На огороде можно стать горбатым.
Чинить опять придётся коридор.
Не знаю, как становятся богатым,
Но при моих достоинствах — это вздор!

Своим трудом людей не очаруешь,
Которых жизнь “до ручки” довела.
Куда ты прёшься, если не воруешь,
В почётные товарищи села!

Хвались на речке мизером улова
И создавай с бутылкою уют...
Вот разве слово, разве только слово
Пенсионеру нищему дают.

СПОР О КЛАССИКАХ

Да что мне Блок! Со всем его приветом...
Ему всю жизнь давали быть поэтом!
Я ж вырос в подворотне, будто пёс,
И множество такого перенёс,
В каком навряд ли выживет собака.
Ловил чутьём по знаку и без знака:
Вот этот может с пьяни натворить,
А тот сейчас попросит закурить...
Ну почему (мыслишки загорались)
На Блоке все как будто помешались?
Он — что, всю жизнь свою ходил за плугом?
А может быть, косою махал над лугом?
Или мантулил где-то кузнецом?
Его же с детства пичкали словцом,
Какого я умру — и не узнаю.
А я стихи рассказывал сараю,
Мне на стихи не дали с детства права,
Бывала жизнь — не радость, а расправа.
Для узких мест родившийся по-русски,
Я выносил тройные перегрузки.
Как ни крути — нечестная игра...
Ну, я пошёл, мне печь топить пора!

ВЫВОД

Признаюсь: пил! Бывало — часто.
Но трезвость всё же сохранял
И, утверждаю, не напрасно —
Я очень многое узнал.

Смотрю на доктора смешного:
Опрятен, грамотен, умел,
Но ведь не знает основного:
Кто спился, тот не заболел!

